

Текст · 28 сентября 2022, 08:14

Елизавета Нестерова,

«Кто тебя бьет, тебя никто не бьет». Москвичку задержали за антивоенные листовки, в полиции ее душили и угрожали «найти в жопе наркотики»

25 сентября Дарья Иванова и ее подруга^[1] провели 11 часов в ОВД «Люблино» — утром силовики приехали по их домашним адресам, чтобы задержать девушек за расклейку антивоенных листовок: «Привезем гроб в каждый дом за счет государства. Для заказа гроба обращайся в ближайший военкомат. Кого надо похоронить? Мужа, отца, сына, брата?».

В отделе полицейские угрожали Ивановой «найти в жопе наркотики» и обвинить в занятии проституцией, а сотрудник Центра «Э» душил и бил девушку головой об стол. Активистка рассказала «Медиазоне», как для нее прошли 11 часов в отделе полиции по району Люблино.

1. Девушка попросила об анонимности.

«Вот видите, как приходится наркоманов ловить»

В десять утра в воскресенье я была в душе, когда начались звонки в дверь. Я их слышала, только когда выключила воду, подошла к двери посмотреть в глазок. Там четверо в штатском, и они уже начали стучать в дверь и кричать: «Открывай, ты делаешь себе только хуже, мы тебе сейчас свет выключим!».

Я поняла, что происходит, поэтому быстро надела джинсы, майку, носки и взяла в руки телефон. Включив камеру, я открыла дверь. Тот, что стоял ближе к двери, пытался показать мне удостоверение, но не успел — я ничего не увидела, потому что другие сотрудники сразу распахнули дверь и ворвались в квартиру. Они схватили меня за руки и за ноги и так вынесли в лифт, только там они меня поставили. И вот я стою там с мокрой головой после душа, без верхней одежды, в носках и без обуви.

Потом они вынесли меня из лифта в подъезд и оттуда на улицу — там были дети консьержки из моего подъезда и дворник, которые видели, как меня волокут. «Вот видите, как приходится наркоманов ловить», — сказали им сотрудники.

На улице они поставили меня на землю — все было в лужах, мои носки тут же промокли. Там мы несколько минут ждали машину одного из сотрудников, видимо, личную, потому что она не была похожа на полицейскую, такая, золотистого цвета, большая. И меня повезли в ОВД «Люблино».

В пути выяснилось, что задерживали меня двое сотрудников полиции и двое сотрудников Центра «Э». Они привезли меня, завели в отдел, я там по их коридорам шла, хлюпала мокрыми носками. К счастью, мама смогла привезти мне кофту и обувь чуть позже — справедливости ради, они сразу сказали маме, куда они меня везут.

Я просидела там где-то часа полтора, когда они мне сказали, что сейчас еще привезут мою подругу, которую они тоже решили задержать за расклейку

листовок. Пока везли подругу, они мне показывали фотографии с камер подъездов — там видно, что я подхожу к подъездам, в руках у меня белые листы, я что-то клею.

Пока не было моей подруги, полицейские рассказывали мне, как я плохо себя веду. Я кивала, не спорила, говорила, что понимаю их позицию. В этот момент ко мне первый раз подошел один из сотрудников Центра «Э», он закрыл дверь на щеколду, схватил меня за волосы и два раза резко нагнул в пол. Непонятно, зачем он закрыл дверь — в кабинете было полно других сотрудников отдела. Никаких попыток его остановить они не предпринимали.

Фото предоставлено Дарьей Ивановой

«Найдут у тебя в жопе наркотики»

Мой телефон выхватили из рук еще при задержании, и он был, к сожалению, разблокирован, поэтому первое, что они сделали — это удалили видео, на котором видно, как они задерживают меня дома, хватают за руки и за ноги, хотя я при этом говорю: «Я готова с вами говорить, просто представьтесь и скажите, за что меня задерживают, дайте мне собраться и обуться, и я выйду».

Также они сделали несколько скриншотов из чата с моей подругой, но там было мало, к счастью, она успела удалить большую часть переписки.

Единственная бумага, которая у меня осталась — копия протокола осмотра. Перед осмотром полицейские издевались: «Сейчас тебя будут досматривать и найдут у тебя в жопе наркотики, мы тебе тогда еще проституцию припишем».

На самом деле девушка-дознавательница только забрала у меня телефон и электронные часы. Она у меня несколько раз уточнила: «У тебя же нет наркотиков, мне не надо искать наркотики?». Я ответила, что наркотиков нет. Тогда она сказала, что настоящий досмотр можно не проводить.

Тех, кто меня задерживал, в кабинете в этот момент не было, хотя они все порывались остаться и присутствовать при досмотре. Но дознавательница несколько раз резко сказала: «Нет, я дождусь, пока в кабинете, кроме меня, никого не будет». То один, то другой все пытались зайти обратно, но она не пускала.

Были только понятые — какие-то не очень приятные женщины, видимо, знакомые этих сотрудников, потому что они их долго вызванивали, мы ждали, пока они придут. Ну, и разговаривали там они со всеми очень по-свойски.

При этом протокол изъятия [техники] через несколько часов составляли уже при других понятых — девушка сама пришла на кого-то писать заявление в полицию, а парень сказал, что просто на улице стоял, его оттуда позвали.

«Зачем пугаешь матерей»

Когда мою подругу тоже привезли в отдел, мы сначала посидели вместе, а затем нас развели по разным кабинетам. В этот момент стало понятно, что мы единственные задержанные на весь ОВД: внимание всех сотрудников было приковано к нам, они постоянно заходили, отпускали какие-то шутки и насмешки в наш адрес, обзывались, называли мразями, читали нотации.

«А зачем ты это делаешь? Знаешь ли ты вообще историю? Помнишь ли 1917 год? Зачем пугаешь матерей^[1]?» — вот такие комментарии они все по очереди оставляли. Нас водили из кабинета в кабинет, в каждом было одно и то же — обзывательства и расспросы о листовках.

Одному из сотрудников тоже пришла повестка. И они все говорили: «Ну вот, он же не против». Потом выяснилось по ходу разговора, что это был какой-то баг в программе, повестка пришла случайно и никуда ехать ему не надо.

Моя подруга на все вопросы брала 51-ю статью^[2], с моих же слов сотрудник ОВД написал

объяснительную, которую дал мне подписать.

«Напишите там в конце, что к вам не применялось психологическое и физическое насилие», — говорит. Я ответила, что такое я написать не могу, а значит, не могу подписать и всю объяснительную. Меня все начали по очереди уговаривать, мол, подпиши сейчас, а замечания укажешь потом в других документах, других протоколах.

Я им говорю: «Хорошо, дайте мне эти протоколы, я прочитаю и тогда подпишу». Никаких протоколов мне не дали, и что-либо подписывать без возможности указать, что было насилие, я отказалась. Тогда «эшник», который первый раз схватил меня за волосы, сильно разозлился.

«Даша, не провоцируй его»

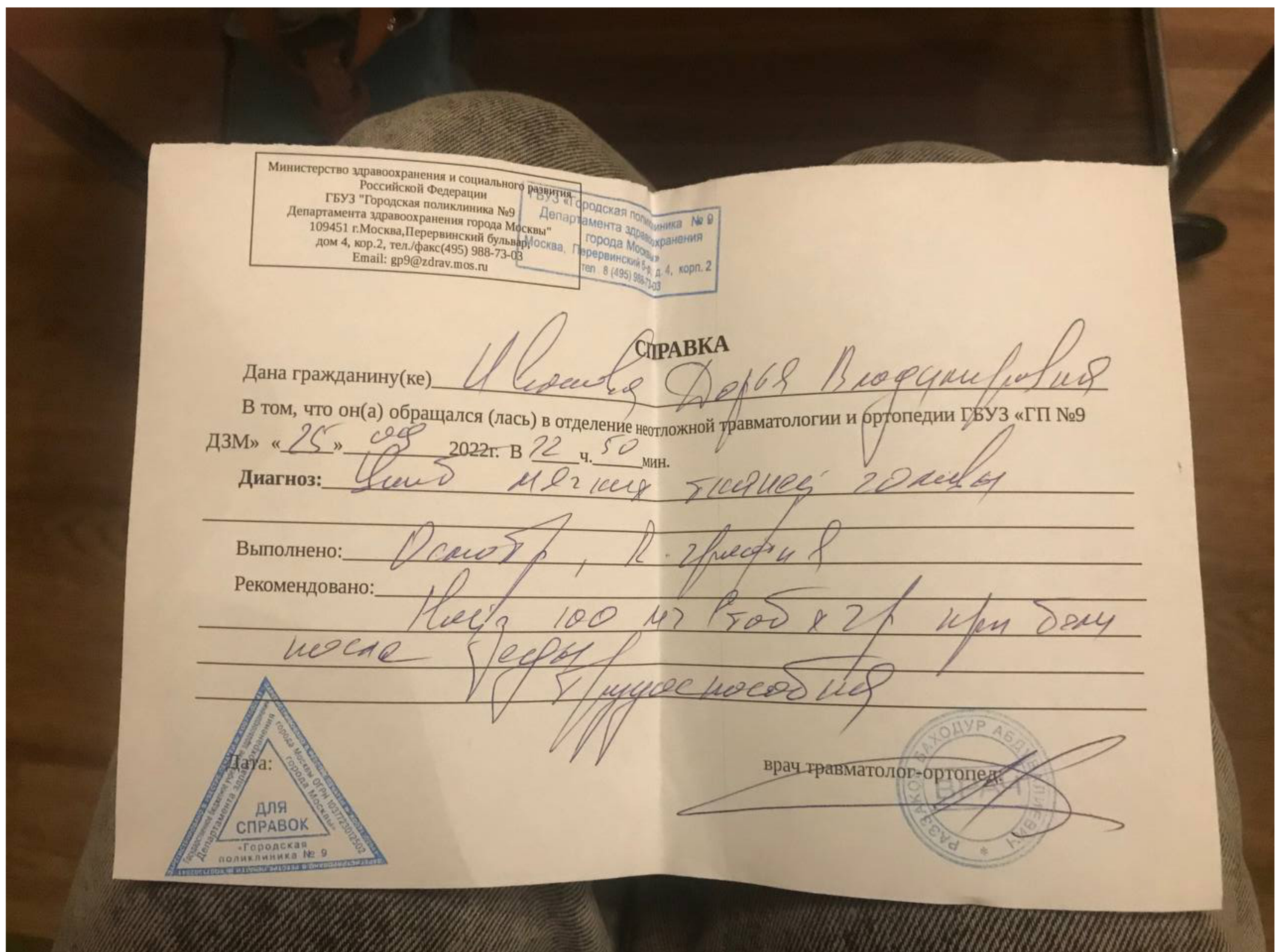
Он снова закрыл дверь и вернулся ко мне, сидящей на стуле. Так же как и в первый раз, он схватил меня за волосы и приложил головой об стол, бил по голове. Потом он сжал мою шею обеими руками и начал говорить: «Да что ты, кто тебя бьет, тебя никто не бьет». Потом он поставил на стол передо мной телефон, включил фронтальную камеру, чтобы я видела, что он снимает меня, и снова повторил, что меня никто не бьет.

После этого он взял телефон и начал снимать свои руки со словами: «Вот, она меня поцарапала», — хотя я его, конечно, не царапала. «Я на тебя сам напишу тогда заявление», — сказал «эшник» и подошел к сотруднику полиции, который на компьютере оформлял на меня протокол. «Вот это ей еще впиши и вот это», — говорил он и показывал пальцем в экран, не знаю, что там было.

Третий раз он начал меня бить в том же кабинете. Я сидела на стуле нога на ногу, он проходил мимо и задел мою ногу. После этого он развернулся злой и стал бить меня уже и руками и ногами — по голени, по рукам, везде, где мог достать. Я сложила руки крестом, чтобы от него как-то защититься, и громко кричала, проговаривая, что он делает: «Ну

давай, ударь меня еще по голове, выдери у меня еще клочок волос, ударь еще по ноге». Моя подруга, которая была в соседнем кабинете в этот момент, потом рассказывала, что она слышала мои крики, испугалась и зажала руками уши. Тогда сотрудники, которые допрашивали ее, просто перевели подругу в другой кабинет, где ничего не слышно.

Полицейские в моем кабинете снова ничего не предприняли, чтобы остановить «эшника», который меня бил. Только второй «эшник» сказал: «Даша, не провоцируй его». Потом он незаметно оставил мне свой контакт, сказал написать ему в телеграм. Говорил: «Ты не кипишуй, лучше потом приезжай к нам в центр, там подашь на него заявление, я тебе помогу». Ехать в Центр «Э» я, конечно, не собираюсь.

Справка, выданная Дарье Ивановой

Запомнила даже цвет его шнурков

На нас с подругой в итоге составили протокол о дискредитации армии^[3], но копии протоколов нам не дали. Из отдела нас отпустили с обязательством о явке в суд, посоветовав на прощание в ближайшие дни находиться дома. Я, естественно, дома сейчас не ночую.

Между допросами нас с подругой заставили сфотографироваться на фоне буквы *У*. Еще приходила девушка, видимо, из пресс-службы, снимала, как нас заводят в один из кабинетов и как мы отвечаем на вопросы: понимаем ли мы, что нарушили закон, раскаиваемся ли мы, как относимся к президенту. Сейчас я уже думаю, что мы просто были в шоке и надо было отказаться, но это было на десятом часу задержания, к тому же нам сказали, что это только для личного пользования.

На следующий день после задержания я была в лучшем состоянии, чем сейчас — я как будто знала, что надо делать, была собрана. Мне нужно себя защитить, мне нужно найти защитников, мне нужно распространить эту историю. А сегодня, когда уже не такой аврал, есть время для какой-то тревожности.

Физически пока сложно сказать, есть ли последствия. У меня стала часто болеть голова. Не знаю, может, это от перенапряжения или погоды, но болит именно в месте удара — то место, которым меня ударили об стол. Я сходила в травмпункт, там мне дали справку о том, что у меня ушиб мягких тканей.

Я очень хорошо запомнила лица сотрудников, которые меня задерживали. Лучше всего запомнила

«эшника», который бил — он, по сути, больше ничего не делал, в опросах не участвовал. Лежал на диване, делал вид, что спит. И иногда подходил бить меня. Я запомнила даже цвет его шнурков. Завтра я встречаюсь с адвокатом, с которым мы будем подавать заявление в Следственный комитет.

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. На листовках девушки написали: «Привезем гроб в каждый дом».
2. 51-я статья Конституции позволяет не свидетельствовать против себя и своих близких.
3. Статья 20.3.3 КоАП.